

УДК 2:14; 159,9:61.

Л. Д. Волкова, Е. В. Караваева

ИСИХАЗМ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Речь идет о сущности исихазма и его значении для формирования русской православной культуры. Исихазм, возникший на Востоке, и перенесенный в Киевскую, а далее – в Московскую Русь, получил здесь распространение, пав на почву русского космизма. Это нашло выражение не только в церковной, но и в народной культуре, включая сюда сюжеты русских сказок с их героями.

Ключевые слова: *исихазм, катарсис, синергия, космизм, монашество, отшельничество, юродство.*

Тема работы обусловлена потребностью возрождения духовных ценностей русской православной культуры. Т. А. Костюкова и Н. Шульгин в своей статье «Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации» говорят об утрате духовных начал в процессе преподавания дисциплин различного содержания в отечественных учебных заведениях, как средних, так и высших. Черты духовной ситуации времени определяются культурно-цивилизационным кризисом, который выражается в технократизме и утилитаризме культуры. В процессе получения образования готовится профессионал, исполнитель определенного профессионального действия [1, с. 25–31]. По мнению авторов статьи, необходимо возродить принципы православной педагогики, способствующей формированию духовно гармонической личности. История русского исихазма как раз и связана с формированием духовных начал русской православной культуры.

Слово исихазм происходит от греческого *хсихия*, что означает «покой» [2, с. 410]. Это мистико-аскетическое течение в восточном монашестве, сформировавшееся в IV–X вв. в Византии. Философско-религиозное направление, называемое исихазм, связывают с именем греческого архиепископа Григория Паламы, митрополита Солунского. Он почитается в православном мире как святой. Примерные даты его жизни относятся к 1296–1359 гг. Суть его учения изложена в «Триаде в защиту священно-безмолствующих». Это полемика с монахом Варлаамом Калабрийским, обвиняющим Паламу в ереси. Однако на Соборе-синоде Святой Софии, состоявшегося 10 июня 1341 г., исихазм становится реально признанным направлением православия. В «Триадах» же речь идет о Божьем свете как «источнике сокровенного и несказанного знания Божьих тайнств». Этот Свет могут увидеть только «чистые сердцем». Этот «духовный свет, недостигаемо приходящий и видимый, недостигаемо вознесенный над всяким знанием и всякой добродетелью... возникающий не от подражания или разумения, а в откровении и благодати духа» [3, с. 75–76]. Григорий Палама говорит о Фаворском свете, или Фаворском Духе, сиянии, которое исхо-

дило от Иисуса Христа, когда Он взшел на гору Фавор. Это сияние узрели ученики Его. Фаворский Дух сошел на апостолов, «посланников», пошедших проповедовать учение Иисуса Христа.

Сразу же оговоримся, Палама имел предшественников. Духовным наставником автора «Триад» был Григорий Синаит, его современник. Примерные годы жизни: 1250–1330. Он находился со своими учениками Исидором и Каллистом в так называемом Могульском скиту недалеко от пустынного местечка под названием Глоссия, расположенного на северо-восточных склонах Афона [4, с. 388–424].

Само православное монашество берет свое начало на Востоке. Родиной его считается Египет. В III в. там совершает подвиг отшельничества и молитвы в пустынном месте святой Антоний Великий. Примерные годы его жизни: 250–356. Он родился в Верхнем Египте. Происходил из богатой семьи. После смерти родителей раздал все свое имущество бедным людям и ушел в пустыню, где, как принято говорить, предался аскезе. Вокруг его убежища образовалась лавра. С греческого языка это понятие можно перевести как «скопление народа». Слово «лаос» означает – «народ». Здесь обитали монахи-отшельники. Кроме этого, в Египте же появились киновии – «общежития». В западном монашестве киновия предполагает совместное проживание монахов в помещении, тогда как на Востоке существуют кельи, отдельные комнаты для каждого отдельно. Слово келья происходит от латинского *cela*, что в переводе и означает «комната».

Основателем монашества современного образца, киновии, стал Пахомий Великий. Известен только год его смерти – 348-й. Год рождения приблизителен – 295-й(?). Пахомий, бывший римский воин, реформировал монашество, дал строгий Устав, согласно которому монахи не должны были иметь никакой собственности, но должны были строго подчиняться наставнику. В монастырях занимались обязательным физическим трудом, вели натуральное хозяйство, за счет чего и существовали. Естественно, основное время отводилось молитвам, изучению духовной литературы и духовному творчеству.

Ученик Антония Великого Иларион начал создавать монастыри в Палестине, а Василий Великий способствовал распространению монашеской жизни в Малой Азии, а именно – в Каппадокии. Он составил свой Устав, обязательный для восточных монастырей.

В православии особо чтятся «великие каппадокийцы», жившие в IV в. – Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Они разработали учение о Святом Духе, исходящем от Бога-Отца, но едином для всей Святой Троицы, называется Единосущностью.

Уроженец Каппадокии Савва Освященный, современник «великих каппадокийцев», основал в Палестине лавру и монастыри. Он же является автором Типикона – богослужебного устава. Иерусалимский Типикон по сей день является основой православного богослужения.

В V в. Федор Студит воздвигает Константинопольский Студийский монастырь с очень строгим студийским уставом. Здесь монахи вели аскетический образ жизни и молились круглосуточно, сменяя друг друга.

Уже в X–XIII вв. в Эгейском море, на полуострове Айон-Орос, возникает известный Афонский монастырь на горе Афон. Слово «Афон» переводится с греческого – «нереальность». В настоящее время на горе располагается много монастырей. Эта «Афонская республика» считается духовным центром всего православного мира.

Все монастыри начиная с времен Пахомия Великого имели свои библиотеки. Позже при монастырях начали организовывать школы, которые давали глубокие знания, безусловно сказывающиеся на общем уровне развития монахов. Можно утверждать, что монастыри являлись центрами духовной жизни.

Основой духовной жизни в монастырях, особенно в монастыре Студийском, стал исихазм.

Собственно вся история духовной жизни восточного монашества, как уже было сказано, начинается с Египта. Для анализа особенностей этого монашества можно использовать теорию австрийского психоаналитика Карла Густава Юнга о специфике восточного интровертивного мировосприятия [5, с. 455–495]. Интроверсия уходит своими истоками во времена архаики, коллективного бессознательного, когда человек мыслил себя составной частью окружающего мира. Постепенно постижение тайн матери-природы стало ассоциироваться с познанием Божественного промысла, скрытого в каждой травинке-былинке и в каждом живом существе. Солнце и луна, небеса и воды, звери и птицы, люди – все это есть творение Бога. Мысль позже будет выражена в псалмах Псалтыря царя Давида. «Хвалите Господа с небес, хвалите

Его в вышних. Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны. Звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые. Цари земные и все народы... Юноши и девицы, старцы и отроки, – Да хвалите имя Господа; ибо имя Его единого превознесено, слава Его – на земле и на небесах» (Псалом 148. 1,7,10–13).

Исихазм предлагал так называемую умную молитву. Она требовала сосредоточения духовных сил в состоянии покоя и безмолвия. Сосредоточению помогало непрерывное повторение молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Постепенно молитва сменялась полным безмолвием. Молящийся достигал катарсиса, исповеди, духовного очищения, после чего происходила синергия – единение с Божественной мудростью. Безмолвствующий отшельник начинал постигать истинную, Божественную суть всех вещей и явлений, и вообще всего происходящего в мире [6, с. 155–171].

Исихазм связан с процессом созерцания, свойственного восточному мировосприятию. Исихасты использовали известные на Востоке психосоматические методы медитации, помогающие сконцентрировать внимание на молитве. Практиковалась задержка дыхания и всевозможные дыхательные упражнения, свойственные индийской и китайской медицине. В Индии с давних пор существует система Пранаяма, а в Китае – дыхательная гимнастика Ци-гун. В результате глубокого и спокойного дыхания достигалось состояние безмятежного покоя, отрешенности от всего мирского. В индо-буддийском богослужении во время молитвы употреблялись мантры, представляющие из себя сочетание вибрационных звуков. Пример – «ом», «аум» в буддизме. Повторение этих звуков благоприятно воздействовало на нервную систему и помогало концентрации внимания. (Очень подробно влияние восточных психосоматических методов молитвы на становление исихазма описывает Е. А. Торчинов в интереснейшей книге «Пути философии Востока и Запада. Познание запредельного» [7].)

Сами монастыри воздвигались или на горах («горный мир»), или на островах. Это были места вдаль от большого скопления людей. Классическим примером православного монастыря по сей день служит греческий монастырь на священной горе Афон. На плоской вершине крутой горы, крутые края которой резко обрываются вниз, возвышаются монастырские постройки, как бы парящие в воздухе. В наших северных условиях примером «островных» монастырей могут послужить Соловецкий монастырь и монастырь на острове Валаам.

Как уже упоминалось выше, восточные культуры, основанные на специфике восточного мировос-

приятия, интровертивны по своей сути [8, с. 455–492]. Отсюда и идеал святого старца, «сияющего изнутри». Внимание интроверта сконцентрировано на своем внутреннем мире. Внешняя объективная сторона остается на втором плане. Интроверт меньше всего склонен к активному действию, направленному вовне. К «преобразовательной деятельности» он не склонен. Самоусовершенствование и самоанализ занимают его больше всего. Близкий и частый контакт с окружающими нежелателен. Отсюда берет начало распространенный на Востоке образ монаха-схимника, обитающего в пустыне. Весь внешний облик исихаста – согбенная фигура, потупленный взор, скромное монашеское одеяние создавали впечатление тишайшего и смиренного существа. Уход из мира и реальной жизни в пустыню или в пещеру, а в наших северных условиях – в лесную сторожку, предполагал обитание среди четвероногих живых существ и птиц. Исихаст чувствовал себя частью Мира Божьего, включая сюда как людей, так и животных, существующего по Божественным вечным законам.

Официальной датой Крещения Руси, как известно, считается 988 г. После этой знаменательной даты начинается приобщение русского народа к византийской цивилизации. Однако, справедливости ради, не лишне напомнить тот факт, что греческое православие стало проникать на север Причерноморья гораздо раньше. В причерноморских степях обитали издревле скифы и сарматы. Геродот, живший в V в. до н. э. описал в своей «Истории» быт скифов очень подробно. (Геродот. История в 9-ти т. Т. I, гл. 130–140.) Согласно христианской легенде, апостол Андрей, названный позже Первозванным, пришел в Скифию как раз в середине первого века. Город Сугдея, называемый в наше время Судак, стал оплотом православия в VIII в. н. э. благодаря епископу Стефану Сурожскому. (Сурож – еще одно название Судака.) Многие русские князья принимали Крещение добровольно еще до официальной даты принятия христианства на Руси. Так, киевские князья Аскольд и Дир, позже убитые, крестились в Суроже еще в 830 г.

История русского православного исихазма начинается с иночества. Преподобный Антоний, до Крещения – Антипа, своими руками расширил пещеру около небольшого с. Берестова под Киевом. Будучи в Афоне, принял там пострижение. Св. Антоний стал для Руси тем же, что был Антоний, прозванный Великим, для Египта и для всего православного иночества.

Преподобный Феодосий родился в с. Васильево под Киевом. Уйдя от преследования родной матери, не желающей понять духовного предназначения сына, он сам приходит к Антонию. Так создается Печерский монастырь, который позже будет

называться монастырем Киево-Печерским. Дата основания братства монахов-иноков примерно 1062 г. Организатором монастыря можно считать Феодосия, ставшего его игуменом как раз в этом году. При нем был введен строгий Студийский устав.

Последователи Феодосия были «пещерниками», т. е. они жили в пещерах, пребывая в постоянной молитве, как того требовал Студийский устав, и питались только хлебом и лебедой. В Киево-Печерском монастыре, который позже будет именоваться лаврой, жил преподобный Алипий, ставший у истоков русской школы иконописи. Живший в Киево-Печерском монастыре Нестор – летописец, оставивший после себя «Повесть временных лет», ученик Феодосия, положил, как известно, начало русской историографии и литературе.

На территории Киевской Руси образовывались все новые монастыри. В одном Киеве их насчитывалось 13, а в Новгороде – 20 [9, с. 59–67].

Общеизвестно, что монастыри стали настоящими центрами культуры и просвещения. Благодаря стараниям князя Владимира, крестившего Русь, открылись школы не только при монастырях, но и вообще при всех церквях для «книжного обучения». Ярослав Мудрый сделал Киев духовным и культурным центром государства по образцу Константинополя. При нем византийские мастера воздвигли Софийский собор и Золотые ворота. При соборе организована была первоклассная библиотека и духовное училище, которое воспроизводило Византийскую академию – Магнавру, т. е. Золотую палату.

Фактически Киевская Русь стала составной частью византийского мира, равного которому по уровню культуры тогда в Европе, да и на Ближнем Востоке, найти невозможно было. Русские ездили в Константинополь, как в родной город, прекрасно владея греческим языком, который изучали в церковных школах. Это был своеобразный диалект койне, в основе которого лежит древний греческий аттический диалект. Житийная литература, евангельские притчи, речения византийских писателей проповедников (Иоанн Златоуст) писались на койне.

Следует ли упоминать о неопенимой роли солунских монахов Кирилла и Мефодия, создавших славяно-русский алфавит. Они были греками, но живя в городе Солуне местечка Фессалоники, хорошо усвоили македонское наречие болгарского языка. Ими были переведены на болгарский язык Священное Писание и богослужебные книги. Далее наступила очередь создания русского алфавита и грамматики русского языка. Правильнее сказать, это был церковно-славянский язык.

Трагические последствия монголо-татарского нашествия на Киевскую Русь общеизвестны и не

требуют особых комментариев. Была уничтожена высочайшая культура, о которой жители средневековой Европы и мечтать-то не могли.

Монгольскую роль в истории нашего государства нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Однако после полного разгрома и уничтожения в пожаре Киева и русских городов вместе с населением русская православная культура продолжала жить. Знаменательно и символично, что на месте руин Софийского собора, среди груды обгоревших камней и развалин когда-то великолепного града Киева величественно возвышалась «непоколебимая стена» с изображением Богоматери-Оранты.

Монгольские князья сами понимали превосходство духовных начал русского православия над дикостью кочевого быта, потому и принимали охотно Крещение. За примерами далеко ходить не надо. Внук хана Мамай крестился в Киеве с именем Александра и стал родоначальником князей Глинских, откуда происходила мать Иоанна Грозного – Елена.

Нашествие с последующей разрухой пагубно сказались не только на экономической, но и на нравственной стороне русской жизни. В Московской Руси превалировала жестокость, унижалось человеческое достоинство, да и сама человеческая жизнь теперь не стоила ничего. Грубость и жестокость военной жизни не могли не отразиться на системе образования. «Книжность» осталась в загубленной Киевской Руси. В церкви же на первое место оказались поставлены обряды и чисто внешнее благочестие.

Хранителями духовности становятся монастыри, в основном – на Севере, так как юг оставался в XIV–XV вв. под владичеством монголов. Примером может послужить Соловецкий монастырь. Его начало связано с монахом-исихастом преподобным Германом. В поисках уединения и безмолвия он прибыл на пустынный остров, отдаленный от большой земли Белым морем. Немного позже на острове оказались монахи Савватий и Зосима. Прибывшие за ними монахи осушили болота, удобрили землю, занялись сельским хозяйством. Сами соорудили кирпичный завод. Затем воздвигли каменные постройки самого монастыря. Своими силами построили гавань «Соловки». Монахи стали профессиональными моряками, имели свой флот. Здесь же, на территории монастыря, располагались многочисленные мастерские и обязательные приюты для странников, обездоленных людей. Функционировала больница. Монахи происходили из различных социальных слоев и владели разными специальностями.

Знаменитую на всю Россию обитель «закрыли» в 1920 г., а с 1923 по 1939 г. в стенах монастыря разместился Соловецкий лагерь особого назначения. Естественно, монахи вместе с епископами и

архиепископами были расстреляны [10, с. 516–539].

Великую роль в русской истории играли подвижники. Это были старцы, наделенные высокой духовностью и чисто русским космическим мироощущением. Они находили убежище в лесу, сооружая себе немудреные «избушки», питались растительной пищей и беспрестанно молились. Другьями их были все те же четвероногие существа, да птички лесные. Таким был русский святой старец, преподобный Сергей Радонежский. Его мирское имя было – Варфоломей. Годы жизни: 1314–1392. Облаченный в лохмотья вел он жизнь инока-пустынника, обитая в лесу вместе с дикими зверями. Ближайшим другом, как гласит легенда, был бурый медведь, которого он кормил с рук.

Рядом с его избушкой выросли такие же убогие жилища братьев-инок. Со временем образовалась монастырская община, будущая Троице-Сергиева лавра.

Используя современную медицинскую терминологию, можно сказать, что Сергей Радонежский обладал искусством психотерапевта и гипнотизера. За благословением к нему ехало множество людей, от крестьянина до боярина. Великий старец фактически стал вдохновителем подвига Дмитрия Донского, предсказав ему исход Куликовской битвы. Князь Дмитрий был уже недалеко от Дона, когда к нему прискакал гонец от преп. Сергия и передал благословление: «Иди, иди вперед, Бог и Святая Троица поможет тебе!» [11, с. 211].

Монастыри были духовными центрами России. Всех не перечить. (Можно порекомендовать прекрасную книжечку – Монастыри. Справочник. «300 исторических мест». М., 2002.) Особенно славилась Оптина пустынь. Все искатели ИСТИНЫ с большой буквы, а ими Россия всегда была богата, посещали это святое место. Напомним хорошо знакомые имена: Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский; философы И. В. Киреевский, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, М. П. Погодин.

Происхождение пустыни связано с легендой о разбойнике Опте, напарнике жестокого и коварного Кудеяра (XVIII в.). Пресытившись пролитой людской кровью, Опта впал в раскаяние, принял постриг и под именем Макария направился искать уединения, где он мог бы погрузиться в молчаливую исихастскую молитву. Та самая засека около города Козельска, где когда-то пряталась шайка убийц и грабителей, теперь безлюдная, стала ему пристанищем. Отсюда и название – Оптина пустынь [12]. Деятельный век стал временем духовного расцвета пустыни. Достаточно вспомнить старца Амвросия, обладавшего даром исцеления и провидения. Настоящие имя и фамилия – Александр Гренков. Годы жизни: 1812–1891. Родился он

в семье священника и был шестым ребенком в семье. Окончил духовное училище и духовную семинарию в Тамбове. В 1842 г. принял постриг под именем святого Амвросия. Вся монастырская жизнь Оптиной пустыни, где он был иеромонахом, шла по правилам исихии. Подъем в четыре часа утра, чтение утренней молитвы и последующее погружение в так называемую умную молитву. Как и все старцы-исихасты, обладал он даром духовного исцеления. За утешением непрерывной толпой шли к нему посетители. Старец этот произвел неизгладимое впечатление на Ф. М. Достоевского. Великий русский писатель предал Амвросию художественный облик старца Зосимы в своем произведении «Братья Карамазовы». Как раз у него ищут духовной помощи братья Карамазовы вместе со своим отцом.

Отец Амвросий помог устроить не менее известную Шамординскую Казанскую обитель. Он позаботился об одиноких женщинах-вдовах, о детях-сиротах и бедных девушках. Для каждого приходившего к нему находил доброе слово утешения, каждому старался помочь морально и финансово. Святой старец так и ушел из жизни в Шамордино среди хозяйственных забот.

Предпоследние старцы Оптиной пустыни предупреждали о надвигающихся грозных событиях – великой войне и грядущих трагических событиях братоубийственной гражданской войны [12].

Начиная с 1918 г. и далее Оптина пустынь пережила все ужасы опустошения, арестов и физического уничтожения монахов. В 1938 г. были расстреляны последние оптинские старцы. После многих десятилетий полного запустенья Оптина пустынь возрождается, так же как и «Соловки» и многие другие святые места.

Можно вспомнить Саровскую пустынь, история которой связана с именем Серафима Саровского. Годы жизни: 1759–1833. «В миру» он носил имя Прохора Мошнина и происходил из купеческой семьи. Так же как и его предшественники, великие старцы, уйдя от мирской суеты и соблазнов, он находит уединение в Саровской пустыне, основанной еще в 1706 г. При пострижении в монахи он получает новое имя Серафим, что означает «пламенный». От необычайно доброго и просветленного лица его как бы исходило сияние. На берегу речки Саровки в лесной келье находит Серафим себе пристанище. Около избушки развел пчельник и посадил огород. Занятый работой при полной тишине, в благоухающем лесу, он погружался в молитву. Шли люди к старцу, кто за исцелением, кто за утешением. Однако имел Серафим Саровский не только дар исцеления, но и нечто большее. Он точно предсказал даты конца династии Романовых в екатеринбургском доме инженера Ипатьева. В Ипа-

тьевском монастыре г. Костромы эта династия свою историю начала и в Ипатьевском доме свою историю закончила. Умер старец во время молитвы. Мощи его, исчезнувшие после 1917 г., все же нашли. В 1991 г. были перенесены, как он в свое время и предсказал, в Дивеевскую женскую обитель [13].

Перед нами пример типично русского исихазма. Перенесенный из Византии на русскую почву, он здесь не только хорошо прижился, но и стал выразителем русского народного мировосприятия. Биографические данные Серафима Саровского и Амвросия Оптинского даны не случайно. Оба они происходили из народной среды, будучи носителями национального архетипа. Серафим Саровский объединил в себе элементы распространенного на Руси юродства и святости. Юродивых можно считать «составной частью» нашей национальной культуры. Это были люди, кое-как прикрывавшие свое тело лохмотьями и имеющие внешность весьма неказистую. Люди не от мира сего, или «божьи люди», как их называли в народе. Известный православный философ Сергей Булгаков говорил: «Это те, которые отказались от своего человеческого ума, приняв образ кажущегося безумия, чтобы вольно терпеть поношения и унижения “Христа ради”». Их «религиозный подвиг» заключался в том, чтобы «совлечься своего естественного образа и облечься во Христа» [14, с. 212–213]. Они «блажили», совершали «нелепые» с точки зрения «нормальных» людей поступки. Эти внешние признаки как раз и служили принципом интровертивности восточных культур, в том числе русской. Чем неказистее внешность, тем ярче горит внутренний огонь святости, озаряя человеческое существо изнутри. Наглядным примером может послужить известная картина М. В. Нестерова «Странник». По типично русской размытой дождем дороге на фоне русского осеннего неба и желтеющего леса идет-бредет старичок в лохмотьях. Вся суть этого образа выражена в чудесных глазах странника, излучающих доброту постигнутого фаворского святого Божественного Духа.

Для понимания сути образов русских святых старцев и юродивых обратимся к некоторым особенностям национального фольклора, к русской волшебной сказке прежде всего. Любимым героем большинства из них является Иван-дурак. Этимология слова «дурак» по сей день остается тайной. Можно предположить, что это слово происходит от латинского прилагательного «твердый»/durus], но вряд ли такое объяснение может нас удовлетворить. Иван-дурак является третьим младшим сыном царской или крестьянской семьи – суть не в этом. Он отличается от всех своих родных и окружающих своей «дуростью». Она выражается в том,

что его поведение и внешний вид отличаются от общепринятых норм поведения, т. е. морали, имеющей место в среде его обитания. Во-первых, он ленив, не трудится, даже если он крестьянин; неудачник, если он царевич. Он лежит на печке, которая его возит. Все его желания совершаются «по щучьему велению». Если он едет на коне, то обязательно «задом-наперед». Да и конь-то необычный, а «Конек-горбунок». Во вторых, одет-то Иван-дурак не как все люди: ходит оборванцем и мечтает о красном кафтане и красном колпаке. Но при всей его «дурастии», там где «умные» братья терпят неудачу, а это, как правило, неординарные обстоятельства, Иван достигает успеха.

Если внимательно следить за сюжетом известных волшебных сказок «Сивка-бурка», «Царевна-лягушка», «Конек-горбунок» и других, оказывается, что Иван-дурак и не дурак вовсе. Это фольклорный образ юродивого, носящего шутовской костюм и несуразными выходками потешающего публику. Интровертичность восточной, в данном случае русской, культуры как раз и проявляется в образе Дурака, народного прототипа всех наших великих старцев, юродивых «Христа ради», святых проповедников нашей Русской православной церкви.

Ваня-дурак – царь, но иного царства, потустороннего. Дурацкий красный кафтан, его своеобразная «багряница», царская одежда настоящего мира живых существ, говорящих «человечьими голосами». Иван знает слова, недоступные умам приземленных обывателей, смеющихся над ним и живущих своими примитивными земными интересами. Все эти сивки-бурки, коньки-горбунки, а также Серый волк приходят к своему хозяину из неведомого потустороннего мира инобытия. Все те, кто обитает «за тридевятью морями в тридесятом царстве, в тридесятом государстве» иногда появляются на «границе» двух миров. Окрашены они, как правило, в серый и белый цвета. Это краски потустороннего мира небытия, где присутствуют тени некогда живых существ.

В древнем архетипическом представлении наших предков между миром обитания мертвых и живых не существовало четкой границы. Особенность национальной истории народа-хлебопашца и воина в одном лице наложили отпечаток на отношение к жизни и смерти. Смерть эта ждала восточного славянина за любым степным холмом от стрелы кочевника. Жизнь тайлась и зарождалась зеленым побегом в каждом посеянном зерне пшеницы. Акт рождения – жизни – смерти смыкался, переходя друг в друга. Сама ритуальная пища на русских поминках по усопшим да на христианских праздниках имеет древнейшую языческую символику. Поминальный блин круглый, не имеющий ни начала ни конца, означает бесконечность. Крашенные

яйца на Пасху несли в себе космическую символику. Желток с зародышем внутри свидетельствовал все о том же бесконечном возрождении...

Таким образом, Иван-дурак, будучи в то же время Иваном-царевичем, уезжал на Сером волке или улетал на Коньке-горбунке в загробный мир, «мир первобытный». Здесь было все не так, как в мире реальности. Здесь существовали свои законы, вечные и справедливые в противовес земным – временным и условным. Мир людей представляется смехотворным, потешным. Самый интересный факт: царь земного царства-государства в русских сказках представляется настоящим и полным идиотом. Желания его несуразны и комически пародоксальны. Правитель требует себе то Жар-птицу, то молодую красивую жену, то доброго коня. Однако ничего из перечисленного ему в конечном итоге не достается. Негативно-издевательское изображение царя выражало отношение народа к собственному властителю – законодателю, его приближенным и к придуманным ими «законам».

В исторический период существования Московской Руси были заложены основы русского самодержавного монархического государства, которые получили дальнейшее развитие уже в так называемую послепетровскую эпоху. Не лишне вспомнить, что после падения в 1453 г. Константинополя, осажденного турецкой османской армией, Москва действительно становится «Третьим Римом» для всего православного мира. Русский монарх, как это было принято у монархов византийских, теперь именуется «Божьим помазанником». Русской православной церкви отныне отводится роль духовного и, самое главное, политического оплота русского православного государства. По этой причине происходит так называемое обмирщвление церкви. В XV–XVI вв. появляются два идеала служения Богу среди русских священников. Нил Сорский, происходящий из знатного рода князей Майковых (1433–1508) долгое время пребывавший на Афоне, стал сторонником учения Григория Паламы. После возвращения домой он основал скит на р. Сорке, состоящий из монахов, живших рядом в своих убежищах. Нил Сорский был проповедником аскезы и так называемого нестяжательства. Монахи сами кормили себя, ведя немудреное хозяйство. Нил Сорский был сторонником невмешательства церкви в государственные дела, так как монашеские обители в духовном отношении стоят гораздо выше мирских государевых дел. Иосиф Волоцкий (1439–1515), наоборот, был сторонником крепкой государственной церкви, полностью поддерживающей действия государя. Монастыри же ему представлялись крупными земельными собственниками.

Дальнейшая судьба Русской православной церкви связана с чисто русским явлением-расколом,

произошедшим во времена правления Алексея Михайловича (1629–1676). Причины раскола связываются с реформами патриарха Никона (1605–1681), поводом для которых послужила так называемая правка церковных книг, переписываемых малограмотными монахами. Однако суть раскола была гораздо глубже. Во-первых, это было столкновение старой и новой России, окончательно оформившейся после реформ Петра Первого. Во-вторых, государь, а не патриарх стал во главе церкви, полностью взяв «под контроль» всю ее деятельность. Окончательно раскол произошел, как известно, на Московском соборе 1666–1667 гг., где Никон был обвинен в самоуправстве и лишен сана. В дальнейшем Петр Первый вообще ликвидирует патриаршество и ограничивает деятельность церкви Святейшим правительствующим синодом (1721).

Следует ли удивляться, что среди старообрядцев, ушедших от преследований в леса Заволжья и называемых «заволжскими старцами», такое распространение получили исихастские проповеди Нила Сорского. Старцы жили в скитах, молились, называли Петра Первого «антихристом» и ожидали конца света, предсказанного Апокалипсисом.

Чем дальше шло укрепление российской монархической системы, поддерживаемой церковью, тем больше людей бежало в монастыри. За внешней стороной боярской, а позже – великокняжеской дворцовой роскоши, как и за внешним показным благочестием придворной знати, скрывались сложные социальные проблемы. Набирала силы будущая Великая Российская империя, тоталитарное военное государство. Шло постепенное закрепощение крестьян, превращение свободных крестьян в рабов теми же монастырями, не говоря о боярских вотчинах.

Юродивые же, появившиеся в Киевской Руси еще в XII в., блуждая по селам и городам, обличали все человеческие пороки. Они не боялись гнева всемогущих мира сего – князей и царей. Хорошо известен Василий Блаженный, имя которого носит известный московский храм. Он мог позволить себе обличительную речь, обращенную непосредственно к Иоанну Грозному. Блаженный Иоанн, как и Блаженный Василий, живший в Москве и едва передвигающийся на своих больных ногах, обвинил Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия и предсказал несчастья грядущего смутного времени [9, с. 251–252].

В стране с деспотическим монархическим режимом правду мог говорить только «дурачок», прикрытое лохмотьями жалкое существо, не имеющее постоянного места жительства. Все юродивые, монастырские великие старцы фактически продолжали традиции фольклорного Ивана-дурака. За

внешней «дурацкой» маской скрывалась высокая духовность и неисчерпаемая доброта, отличительная особенность русского народа. Заимствованный из далекой Византии исихазм пал на русскую почву. Он слился с особенностью национального мировосприятия – космизмом, выражающимся в любви к матери-природе и ко всему живому. В русских сказках нет сцен бессмысленного убийства животных. Все эти коньки-горбунки, медведи, серые волки, вещие вороны, как и прочие обитатели лесов, полей и рек, составляют одно целое с людьми. Земля-мать и то, что она дает человеку – хлеб, «яблочки наливные» и т. д., – в понимании русского земледельца составляло элемент сакральности, приобщения к Божественной благодати, разлитой во всем мире.

Драматические события уже позднего, XX в.: Первая и Вторая мировые войны; братоубийственная Гражданская война в России с последующими страшными репрессиями, наложили свой отпечаток на судьбу, да и на характер нашего народа. Разрушенные и оскверненные монастыри и церкви, замученные и расстрелянные священники и монахи, пропаганда «воинствующего атеизма» – все это не смогло пройти бесследно. Самое страшное в этой ситуации – нарушение преемственности традиций Русской православной церкви. Однако полностью уничтожить великое духовное наследие русского православия, неотъемлемой частью которого являлся исихазм, оказалось не так-то просто. Последние два десятилетия идет мощный процесс возрождения русской православной культуры. Хотелось бы пожелать, чтобы за чисто внешней обрядностью церковной службы, совершаемой во вновь отстроенных и реставрированных храмах, нашла себе место и истинно православная духовность. Выражается она в сострадании к бедам своих ближних и в оказании им помощи. Детские дома с брошенными на произвол судьбы маленькими детишками; переполненные детские колонии и тюрьмы; высокая преступность в стране; валяющиеся на улицах и вокзалах никому не нужные «бомжи» – вот далеко не полные печальные «знамения времени». Все эти отвратительные явления, получившие распространение в нашем уже «постсоветском» государстве, должны быть первоочередным и главным объектом внимания и духовной деятельности нашей церкви, которая почему-то с некоторых времен начала именоваться сокращенно – РПЦ. За образцом для подражания нашим православным деятелям ходить не нужно. Достаточно вспомнить православные обители и пустыни не столь уж далекого прошлого, где для каждого убогого находилось убежище, кусок хлеба и доброе слово.

Список литературы

1. Костюкова Т. А., Шульгин Н. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 10 (100).
2. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Акад. проспект, 2006. 1255 с.
3. Святой Григорий Палама. Триада в защиту священо-безмолвствующих. СПб.: Наука, 2007. 388 с.
4. Биbihин В. В. Краткие сведения о житии и мысли св. Григория Паламы // Триада в защиту священо-безмолвствующих. СПб.: Наука, 2007. 427 с.
5. Юнг К. Структура психики и архетипы. М.: Акад. проспект, 2009. 302 с.
6. Евдокимов П. Православие. М.: Библиейский богосл. ин-т св. ап. Павла, 2002. 500 с.
7. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада. Познание запредельного. СПб.: Азбука-Классика, 2007. 473 с.
8. Юнг К. Психологические типы. М.: Университетская книга: АСТ, 1996. 715 с.
9. Тальберг Н. История русской церкви. М.: Издание Сретенского монастыря, 1997. 924 с.
10. Монастыри. Справочник «300 исторических мест». М.: Рипол классик, 2002. 607 с.
11. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 т. Ростов н/Д: Феникс, 1995. Т. 1. 637 с.
12. Горбачева Н. Великие пророки. Оптинские старцы. М.: Олимп, 1999. 204 с.
13. Горбачева Н. Великие пророки. Серафим Саровский. М.: Олимп, 1999. 199 с.
14. Булгаков С. Православие. М.: Фолио, 2001. 471 с.

Волкова Л. Д., кандидат философских наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Караваяева Е. В., ст. преподаватель.
Сибирский государственный медицинский университет.
Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050.
E-mail: caravaef38@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.10.2011.

L. D. Volkova, E. V. Karavaeva

HESYCHASM AS PART OF RUSSIAN ORTHODOX CULTURE

Hesychasm emerged in the East and later moved to Kievan and then to Moscow Russia and spread there on the basis of Russian Cosmism. Hesychasm influenced not only Russian Church but culture as well and found its expression in the topics of fairy-tales with their heroes.

Key words: *hesychasm, catharsis, synergism, cosmism, monarchism, reclusion, feeble-mindedness.*

Volkova L. D.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

Karavaeva E. V.
Siberian State Medical University.
Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: caravaef38@mail.ru